

СЖАТОЕ И КРИЗИСНОЕ ВРЕМЯ КАК ОСНОВА СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ходжаева Н.Т.

Научный руководитель доцент кафедры методики русского языка

Абдуллаева Насибохон Алижон кизи

Магистрант 1 - курса

Ферганского государственного университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20265455>

Аннотация. В статье исследуется функция сжатого и кризисного времени в архитектонике романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Опираясь на теорию хронотопа М. М. Бахтина и концепцию «кризисного времени», автор выделяет три уровня темпоральной компрессии: фабульный, нарративный и символический. Анализируется специфика «порогового времени» Раскольникова как психологической формы наказания, предшествующей юридическому.

Ключевые слова: хронотоп, кризисное время, сжатое время, сюжет, темпоральная организация, Бахтин.

ВВЕДЕНИЕ

Художественное время - одна из фундаментальных категорий поэтики романа. В творчестве Ф. М. Достоевского темпоральная организация текста достигает особой степени напряжённости, отражая кризисный характер изображаемой действительности и внутреннего мира героев. Роман «Преступление и наказание» в этом отношении является, пожалуй, наиболее показательным: в нём время не просто оформляет событийный ряд, но становится самостоятельным смыслообразующим фактором, активно участвующим в создании психологического и нравственного конфликта.

Понятие хронотопа было введено М. М. Бахтиным для обозначения «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234]. В своей типологии хронотопов Бахтин противопоставляет «авантюрное время» греческого романа - механическое, пустое, не оставляющее следа в биографии героя и «биографическое время», в котором человек формируется и изменяется. Особое место занимает «кризисный хронотоп» или «пороговый хронотоп», в котором «время, по существу, мгновение, как бы не имеющее длительности и выпадающее из нормального течения биографического времени» [2, с. 397].

Именно эта разновидность хронотопа оказывается продуктивной для анализа «Преступления и наказания». Однако в романе Достоевского она получает принципиально новое наполнение: кризис здесь не является внешне навязанным, как в случае с авантурным героем, претерпевающим случайные испытания. Он генерируется самим сознанием персонажа, становясь следствием идеологической одержимости. Тем самым Достоевский создаёт особый вариант хронотопа - *идеологически детерминированное кризисное время*, в котором темпоральная компрессия является не формальным приёмом, но онтологическим выражением состояния героя.

В теоретическом плане важно разграничить понятия «сжатого времени» и «кризисного времени». Под *сжатым временем* мы понимаем технику нарративного ускорения и концентрации событий, при которой сравнительно краткий хронологический отрезок оказывается несоразмерно насыщен действием, переживанием и смыслом.

Кризисное время - понятие онтологического порядка: это субъективно переживаемый распад нормального временного потока, характеризующийся утратой различия между прошлым, настоящим и будущим и концентрацией бытия в точке нравственного разлома. В романе «Преступление и наказание» оба явления взаимообусловлены и неотделимы друг от друга. Хронологические рамки основного действия романа весьма стеснены. От момента убийства старухи-процентщицы до явки Раскольникова с повинной проходит приблизительно две недели. Этот краткий отрезок вмещает убийство и бегство с места преступления, несколько допросов, болезнь героя, знакомство с Соней, двойное убийство Свидригайловым, историю Мармеладова, три объяснения с Дуней и, наконец, нравственный перелом и явку с повинной.

Подобная событийная насыщенность создаёт эффект темпорального давления. Читатель, как и герой, не успевает «перевести дух»: каждая сцена подхватывается следующей прежде, чем успевает завершиться предыдущая. Время внутри романа воспринимается как непрерывно текущее — и именно поэтому оно кажется нескончаемым, несмотря на объективную краткость.

На уровне нарратива Достоевский применяет приём радикального чередования темпа. Сцены психологического напряжения - исповеди, монологи, галлюцинации Раскольникова развёртываются в замедленном темпе, приближаясь к тому, что нарратологи называют «сценой» (когда время повествования совпадает со временем истории). Напротив, «внешние» события - следствие, уличная суета, бытовые подробности передаются в режиме «резюме», то есть в крайнем ускорении.

Этот нарративный ритм создаёт своеобразный пульс романа: расширение - сжатие, погружение - выныривание, внутреннее - внешнее. Подобная ритмика функционально воспроизводит психофизиологическое состояние Раскольникова, находящегося на грани бреда: периоды болезненной гиперчувствительности чередуются у него с состояниями оглушённости и беспамятства. Повествовательная техника Достоевского мимически воспроизводит эту психологическую аритмию.

Значительная часть ключевых сцен романа приурочена к пограничным временам суток: вечеру, ночи или рассвету. Убийство совершается в семь часов вечера («вечер», «жара», «духота» - лейтмотив первых глав); важнейшие объяснения происходят ночью; нравственное решение вызревает на рассвете. Это не случайные декоративные детали, но элементы устойчивой символической системы: пограничное время суток маркирует пограничное состояние сознания.

Сумерки у Достоевского - хронотопическая зона, в которой стираются границы между реальным и галлюцинаторным, возможным и невозможным, преступлением и добродетелью. Показательна в этом отношении сцена сна Раскольникова о лошади: она происходит в момент засыпания-пробуждения, то есть буквально на пороге сознания. Образ мерцающего, нестабильного времени суток становится метафорой нестабильности нравственного состояния героя.

Сопоставление темпоральной организации «Преступления и наказания» с другими типами романного времени позволяет уточнить художественную специфику Достоевского. В авантюрном хронотопе, описанном Бахтиным применительно к греческому роману, время сжато под действием внешних случайных обстоятельств: кораблекрушений, похищений, разлук. Герой при этом остаётся пассивным объектом, который сохраняется неизменным на протяжении всех испытаний «авантюрное время не оставляет никакого следа» [1, с. 247].

У Достоевского ситуация принципиально иная. Раскольников сам является источником своего временного кризиса: его время сжимается не под действием внешних сил, но под давлением идеи, которую он сам же породил. Само преступление – плод многомесячного умственного самосжатия, в котором реальность постепенно вытеснялась теорией. В этом смысле темпоральный коллапс начинается ещё до убийства, в тот момент, когда Раскольников окончательно закрывается в своей «каморке» и перестаёт нормально воспринимать течение времени.

Показательно в этом отношении сравнение с хронотопом «биографического времени» (Бахтин): в нём герой формируется, изменяется, проходит путь развития. У Достоевского антибиографическое время работает в обратном направлении: оно не строит личность, но разрушает её. Лишь в финале, через нравственное воскресение, происходит возврат к нормальному биографическому времени.

Таким образом, хронотоп «Преступления и наказания» представляет собой синтез двух бахтинских типов: кризисного («порогового») и идеологического. Эту разновидность можно определить как *идеологически детерминированный кризисный хронотоп*: в нём пространственно-временной кризис порождается не внешними обстоятельствами и не биографическим становлением, а умозрительной системой, присвоившей себе право на внепространственное и вневременное суждение об окружающем мире.

Сжатое и кризисное время в романе «Преступление и наказание» реализуется на трёх взаимосвязанных уровнях: фабульном (предельная событийная насыщенность двухнедельного отрезка), нарративном (ритмическое чередование замедления и ускорения темпа) и символическом (хронотоп сумерек как маркер пограничных состояний сознания). Хронотоп «Преступления и наказания» не тождественен ни авантюрному, ни биографическому типу романного времени: в нём формируется самостоятельная разновидность – идеологически детерминированный кризисный хронотоп, в котором темпоральная деформация является следствием идейного самозаточения личности.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979.
3. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973.
4. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996.

5. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении, 2005.
6. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
7. Гус М.С. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. 2-е изд. М.: Художественная литература,1971.
8. Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский. М.: Государственное издательство художественной литературы,1956
9. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Советский писатель, 1989.
10. Мочульский К.В. Достоевский: жизнь и творчество. Париж: YMCA-Press, 1980.